

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ: О КНИГЕ СТИХОВ ТАНИ ЗВЯГИНЦЕВОЙ «ТОЧКА РОСЫ» (Циклы второй и третий¹: «Точка росы», «Соловей и роза»)

Л. В. БЕЛОУС

Творческий человек, человек создающий, не может любить критиков. И это вполне справедливо, потому что есть что-то заведомо неправильное в самой сути художественной критики: тот, кто не создает, а часто — просто не умеет создавать, советует тому, кто создает и умеет, как это следует делать. Даже если критика вполне справедлива, есть в ней что-то сомнительное, нечестное. Для чего тогда нужна критика? Есть ли в ней полезное зерно? Безусловно, да. Если критик любит то, о чем пишет, если основой его деятельности является симпатия к автору и желание, чтобы к анализируемым текстам обратилось как можно большее количество людей. Это во-первых. Во-вторых, искусство — это наилучший, наисложнейший и наиинтереснейший способ общения, диалога. Диалог же предусматривает наличие второй стороны. О том, что она есть, что работа создателя не оказалась незамеченной, художнику

может сообщить именно критик, профессиональный или нет.

В наше время растет не по дням, а по часам число людей, которые усваивают литературу через кино и телевидение. Если иметь это в виду, то получается, что поэзия находится в наиболее отчаянном положении: она требует непосредственного прикосновения читателя, и потому она стала все менее востребованной. Ею увлечено ничтожное меньшинство живущих на земле людей. Напрасно! Ведь слово, как ни крути, — самое точное и всемогущее орудие человека, а стихи — все-таки лучший из возможных способов это орудие применить.

Если согласиться с тем, что стихи — это лучшие слова в лучшем порядке, то писать о поэзии заведомо проигршно, потому что либо приходится использовать другие, не лучшие, слова, либо надо нарушать порядок, отказываться от него, а его отсутствие, то есть беспорядок, — не самое приятное состояние для чего бы то ни было. Но рискнуть стоит.

Речь пойдет о второй и третьей частях поэтического сборника Тани Звя-

¹ О первом цикле — «Черно-белые стихи» — см.: Хугаев И. С. Танины тайны: о книге стихов Тани Звягинцевой «Точка росы» (Цикл первый. «Черно-белые стихи») // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 139-146.

гинцевой «Точка росы», вышедшего в московском издательстве «Анаграмма» в 2009 году.

Начать хочется с конца. Последняя страничка книги — благодарственное посвящение художнице-соавтору Ирине Большаковой, чьи рисунки — громкое, неоспоримое и позволяющее говорить о сказочном везении поэта украшение книги. Таня Звягинцева пишет о том, что черно-белые рисунки наполнены, как ни странно, светом, солнцем и цветом. Это абсолютно дистиллированная правда: цветы, бабочки, коты, птицы, деревья, влюбленные в очень «многословных» и выразительных позах наполнены музыкой, смыслами, любовью, красотой, Востоком и античностью. Художественное оформление книги — ее несомненный плюс, ее удача и немаловажная составляющая восприятия теми читателями, которым она попадает в руки. Лаконичность линий и штрихов гармонирует с простотой текстов, делая их дополняющими, улучшающими и углубляющими друг друга. Достаточно редко в наше время случаются такие полиграфические чудеса, победы и свершения.

Возможно, одной из лучших сторон книги Тани Звягинцевой является то, что непосредственно сам текст и рисунки занимают даже меньше половины пространства. Остальное соавторы: художник и поэт — оставляют белым, то ли приглашая к новым записям и пометкам; то ли напоминая о существовании внесловесного, невербального пространства, порой гораздо более выразительного; то ли подчеркивая аскетически черно-белый, классический характер созданного явления (достаточно вспомнить, как разочаровал многих любителей искусства тот факт, что белые античные статуи на самом деле в эпоху своего создания были ярко разукраше-

ны, а также то, что появление цветного кинематографа вызвало разговоры о гибели данного вида искусства). Пустоты белого цвета, тишина, молчание (иногда безмолвие — это тоже почти стихи) — это третий соавтор, не менее важный в восприятии книги: ее приятно держать в руках и перелистывать именно потому, что она чиста, бела и красива в этом своем лаконизме.

Современных художников можно поделить на две неравноценные группы: тех, кто погружен в себя и черпает мысли и образы изнутри, надеясь, что читатели/зрители оценят их искренность; и тех, кто эксплуатирует желание публики развлекаться, ужасаться, веселиться и сплетничать. Таня Звягинцева, без сомнений, относится к творцам условно названного «первым» типа.

На фоне эпатажа и желания выделиться, становящихся, увы, сутью многих текстов, претендующих на то, чтобы называться литературой и ничего, помимо этого нескромного, а порой и нахального желания, в себе не содержащих, ее стихи отличаются завораживающей и подкупающей простотой, до банальности, до того «неприличия», которое единственно имеет право на существование. В этой простоте есть что-то античное или даже первобытно-фольклорное, как ни странно, «разгружающее» душу, превращающее вредное в безвредное, а страшное в нестрашное.

Наше время одержимо материальными ценностями, современный человек тратит свою жизнь не на то, чтобы «быть», а на то, чтобы «обладать». Единственная категория людей, которая успешно пока еще сопротивляется этой одержимости и к которой относится автор сборника «Точки росы», — люди творчества. И те, кто их понимает.

Судя по объему пережитого и описанного, Звягинцева не может быть

юной, но называет себя Таней, как-то трогательно и по-детски. Что может быть детского в разговорах о судьбе, о Боге, о любви? Наивность, искренность, отсутствие стыда в смысле чрезвычайной своей обнаженности, в неумении скрывать мотивы и намерения, распахнутости миру, доверии к нему, далеко не такому доброму к людям, чтобы это доверие с их стороны заслужить. И всего этого, детского, в стихах — выше дозволенного, они сотканы, связаны, слеплены их этих качеств, они сотрутся и исчезнут без них.

Именно поэтому высмеянные Пушкиным, попавшие в миллионы пародий до и после Александра Сергеевича, ставшие символом плохой, некачественной поэзии розы, слезы, свирели и соловьи, поющие исключительно при лунном свете, у Тани Звягинцевой превращаются в милых и трогательных персонажей настоящих, утонченных, безусловно, изящных и нежных историй, вызывающих со-чувствие, со-переживание, со-гласие.

Может, такой и нужно быть поэзии в наши дни?..

В большинстве стихов каждая последующая строка должна соответствовать двум требованиям: содержать смысл и рифмоваться с предыдущей строкой. В лучших стихах старание найти рифму незаметно, а смысл — выпуклый, заостренный, отточенный (очевидный или замаскированный). Именно таковы тексты сборника. Они очень разные: терпкие, благостные, интимные, аппетитные, лукавые, ироничные, филигранные, милые. Общим является женский взгляд на мир — взгляд любовный, теплота, простота и талант.

Изредка Таня Звягинцева дает своим стихам имена. Иногда эти имена являются ключами к пониманию текста. Первое же произведение цикла «Точка

росы», второго по счету в книге с одноименным названием, носит имя «Невеста», сужающее простор для фантазии читателя. Если прикрыть название ладонью, прочитать содержание стихотворения без него, то получается совершенно чудесное, на контрастах построенное словесное кружево с безграничным количеством толкований:

Ласковая, как змея,
Нежная, как тигрица,
Тихая, как обвал, —
Догоню тебя!

Но слово «невеста» ограничивает смыслы и позволяет говорить либо о том, что автор пытается примерить на себя маску влюбленного мужчины, либо, оставаясь женщиной, в такой почти сказочно-волшебной форме передает любимому суть своих желаний: какой бы я ни была, какой бы я ни представляла перед тобой — догони, поймай. Таинственно и туманно, но ведь задача литературы не столько в том, чтобы научить читателя раскрывать тайны, сколько в том, чтобы убедить его в существовании ситуаций и явлений, где тайна не была и не будет раскрыта никогда. Просто потому, что это невозможно.

Тане Звягинцевой, шлифуя свои и наши эстетические чувства, удастся наполнять обновленным содержанием известные и широко нами используемые фразы, выражения. Иногда этот прием становится основой, фундаментом стихотворения, как в очень удачном тексте, названном «Бумага».

Как известно, «бумага все стерпит». За это поэт наделяет ее мужеством. Не менее часто мы говорим, что бесполезно лить воду в песок: он, упорный, по наблюдению Тани, пропускает влагу через себя, не впитывая ее. И эти бесполезные усилия автор сопоставляет с творчеством: все делается зря: зря вы-

сыхает горло, зря взгляд ищет чьих-то понимающих глаз, зря, зря, зря. Поэтому поэт ставит и ставит запятые, льет и льет воду в песок, поддерживает и усиливает внутренний огонь. И только когда из трещины изнутри поэтического организма сочится что-то алое (у Тани сказано даже лучше: «Сочится ЧЕМ-ТО АЛЫМ»), становится уместной точка.

Напрашивается ассоциация со знаменитым высказыванием Пастернака о губительном воздействии на автора его собственных стихов, которые «нахлынут горлом и убьют». И еще на фоне подчеркнутой черно-белой гаммы особенно жутко, тревожно и волнующе выглядит алый цвет.

Почему-то не трагично, а колыбельно, фольклорно, сказочно и уютно звучит стихотворение «Погибшему ребенку». Есть в нем что-то хрупкое, фарфорово-хрустальное, невесомое, утешительное:

На ладонь-лодочку
Положу звездочку,
Как свет отразится,
Глаз прослезится
И пойдешь за мной,
Родной!

И слезы-то в этом тексте не от боли и отчаяния, а от отраженного в глазах света звездочки.

После смерти, кстати, человек становится, как это описано в текстах Тани Звягинцевой, не воздухом, но «словом, хранящим вкус граната на устах».

Таня — еще и великая любительница кошек, которых она понимает, которые ее спасают от боли, вдохновляют и удивляют своими странностями: умением помнить жесты, отвлекать хозяйку от грусти в сердце, «квадратном от отмытого», наличием пятен в глазах, транслирующих нечто невнятное для людей.

Кошка каким-то удивительным образом ассоциируется с осенью: у обеих мягок шаг, обе считают «точки росы»

на земле и «строчки дождя». Это не очень убедительно, но произведение искусства не может быть опровергнуто с точки зрения его истинности, потому что неудачно изложенная или не совсем доказанная в художественном тексте истина истиной быть не перестает. Стилевые странности и особенности искажают реальность, иногда до неузнаваемости, но именно в этом искажении, носящем индивидуальный характер, — самая важная и неоспоримая ценность искусства.

Таня, судя по всему, — мама. Ей пришлось пережить самое удивительное и сложное событие в родительской судьбе, всегда вызывающее недоумение: рожденное тобой существо, сын или дочь, «плоть от плоти» твоей, что называется, тобой «задуманное» и созданное, тобой вскормленное, долго от тебя зависевшее, вдруг не подчиняется тебе, живет своими интересами, отличными от твоих, хочет быть самостоятельным и уходит.

Об этом Таня пишет очень мудро, смиренно и даже несколько иронично, с огромной любовью, но не с обидой:

Тобой рожденные сыны,
Тобой воспитанные дочери
Уходят.
Отпусти,
Забудь!

Не плачь — им надобно, им хочется...

Из стихотворения как-то особенно ясно, что материнство — лучший способ воспитать в себе терпимость, а терпимость — самая главная из всех человеческих премудростей.

Серьезным шагом на пути к мудрости является и любовь. Она поднимает человека над суетой и повседневностью, позволяя ему посмотреть чуть выше, проникнуть чуть глубже, отсюда такие строки:

Чем дальше, тем со мной
Отвеснее стена!

Бездонней глубина,
Безбрежной ширина.

Тот, кто наделен мудростью, освобождается от суеты, ничтожного мельтешения, он способен стремиться к почти мистическому состоянию внутренне-го покоя. И подобные «упражнения» приводят поэта к взгляду на любовь с небесного, божественного ракурса. И тут Таня проявляет новые для читателя черты своего дарования: она может писать нарядно, весело и звонко: о богах (употреблено именно множественное число, то есть речь скорее об античном, чем о христианском понимании происходящего на небесах) поэт пишет:

Им — не до нас,
Нам — не до них;
Им — не спасать,
Нам — не молиться.
И нет важнее
Нас самих,
Чтоб не скончаться,
А родиться.

В этом стихотворении подчеркнуто, доказано, что любовь — это чувство, существующее не во имя небес, а вопреки им. А человеку в связи с этим нельзя забывать, «как узки и как тесны ворота рая».

В другом тексте автор напоминает, что не только людям интересны небеса, но и наверху небожители реагируют на происходящее на земле:

Ты в небо камень забросил,
И там круги разбежались.

Одной из стадий любви, конечно, является ее конец, затухание, случающееся по самым разным причинам. Этому явлению посвящено чудесное стихотворение «Неужели?». Подкупает здесь совершенно сумасшедшее описание снега: он «медовый», «пропахший прошлой весной», он «бирюзовый», «серовато-зеленый», «бесстрастно-лиловый», и, что важно, судя по его поведению, он предан героине, в отличие от

мужчины, которого больше рядом с ней нет. Таня пишет о снеге, что он «для чего-то идет и идет со мной». Очевидна и удачна игра со словом «идет»: снег идет, потому что падает с неба; снег идет, потому что сопровождает героиню в ее прогулке.

Что происходит с женщиной, когда уходит любимый мужчина? Она, помудрев и утончившись, замечает, что шелковые (как-то это слишком нарочито, что они именно шелковые) простыни хранят теперь только ее запах; она «водой прошлых часов» пытается смыть новые морщины; она чувствует, как ее «сны крадутся к его ночным видениям»; она не может унять нытье сведенных десен, «выпускающих» (тоже как-то коряво) отныне «стон лишь бессвязный», а не его имя.

Уходя, исчезая, любимый мужчина «излечивает молодость» женщины и обрывает ее крылья. Но любовь и логика не могут быть совмещены, и она, видя его несовершенство, все равно уходит с ним «в зиму».

Женщина, испытавшая любовь, учится понимать, что чувство это — чаще ее способность и умение любить, чем заслуга того, на кого это чувство направлено.

Одно из лучших стихотворений сборника называется «Причал». Нельзя отказать себе и читателям в удовольствии и не привести его целиком.

В каком-то отчаянье
Лодки причалили —
Был добр океан.
А волны взъерошены,
Мелко крошены
В серый туман.
Боками и грудями,
Ветрам ли, людям ли
Спасибо твердя,
Забылись измученно,
Сбито и скручено
Под шорох дождя.

Третья часть книги носит подчеркнuto банальное название: «Соловей и роза». Общей темой является снова любовь, но стихи о любимом намеренно и достаточно педантично чередуются с сюжетными историями розо-соловьиного характера. Такое чередование натолкнуло на поиски параллелей в двух типах стихов: куртуазном и реалистичном. Но параллели обнаружить удавалось не всегда: либо они слишком скрыты, спрятаны, либо их действительно нет, а чередование носит случайный характер.

Сюжетное стихотворение о том, как ветер подарил соловью свирель, чтобы играть на ней для звезд, оперирует героями, чрезвычайно традиционными для романтических стихов: роза, соловей, ветер, звезды. Но сюжет оригинален и заставляет взглянуть на любовь с неожиданной стороны. Объект любви нельзя сделать полностью своим, присвоить, одомашнить, приручить. Ветер, желая угодить соловью, влюбленному, что вовсе не удивительно, в розу, преподносит талантливой птице вожаделенный цветок. Цель подарка — убить любовь. Нет объекта чувства — значит, нет и чувства. Но любовь — очень странное и непослушное явление, она продолжает жить в сердце, вызывая слезы не только у того, кто ее переживает, но и у тех, кто наблюдает за влюбленным. В данном случае это звезды. Рыдающие звезды — прекрасный образ, запоминающийся и зримый. Более того! Звезды, видя страдания соловья, тоже хотят страдать от любви. Почувствовав ее силу, они теперь ждут ее прихода в свой холодный небесный мир.

Те же герои фигурируют в стихотворении «Кто видел — тот простит». Только в этих строчках свирель соловья поет не для розы, хотя она ловит каждую нотку, каждое слово музыкальных фраз

уникальной птички, роняя слезы-лепестки и умирая вместе с их потерей. Рефрен — «кто видел — тот простит». Наблюдение за любовью размягчает сердце, душу, делает человека, взглядом прикоснувшегося к влюбленным, добрее и способнее к прощению.

В одном из стихотворений соловей жесток, он дразнит розу, обманывает ее своей песней. В другом произведении соловей скромн и равнодушен к розе. Он случайно прикоснулся к цветку, роза решила, что это был поцелуй, и потеряла покой. В данном случае параллель с последующим текстом налицо. Любовь розы бескорытна и смиренна, любовь женщины тоже все прощает, «долготерпит» (так сказано у Иоанна Златоуста) и упивается малейшими проявлениями внимания со стороны мужчины:

Любимый, лишь словом твоим живу я...
 Любимый, не ведай, как я тоскую...
 Но каждой минуте у ног твоих рада...
 Я взглядом твоим не могу напиться...
 Любимый, я тень лишь твою целую...
 Ресниц твоих трепет — моя награда...

К собственной любви Таня Звягинцева пытается относиться покровительственно и повелительно, но тут же понимает, что доводам рассудка это непокорное и капризное чувство не внемлет. Любовь настолько велика и могущественна, что не она Вечности, а Вечность ей протягивает руки. Это величие чувства подчеркивается активным использованием торжественных слов, покрытых налетом древности: изрекать, истекать, взойти.

Попытка носительницы любви заставить свое чувство вести себя так, как хочется хозяйке («Молчи, моя любовь,/Рассудку вопреки/В сражении с собой/Слезам и истеки») заканчивается поражением, сменой ролей: любовь приказывает и диктует определенный стиль поведения и указывает на объект,

который выбирает она с помощью Вечности.

Любовь может стать мстительной. В сборнике есть стихотворение «Любимый, дыхание стеснивший...», в котором в удивительной красоте словах и образах заключается негативное пожелание отчаявшейся от неразделенного чувства женщины. Она хочет, чтобы ее любимому за нее ответили колодец, «в пустыне жаркой жажду не утоливший»; сад, «в обильное лето плодов не родивший»; взор девы, «гордое сердце отныне разбивший».

Это стихотворение — яркий пример преобладания сферы невербального над словесной, высказанной вслух сферой: за нагромождением слов, не самых позитивных и добрых, безошибочно читается иное высказывание: «Я люблю тебя и готова для тебя на все».

Любовь имеет эротическую краску, которая в нежном мире Тани Звягинцевой не столько целомудренна, сколько ласкова, изысканна, тонка и все-таки ошеломляюще прекрасна, способна на изменение мировосприятия: «Как пряный твой вкус опрокинул небо».

Ночь, проведенная с любимым человеком, заставляет женщину спрашивать себя о том, зачем она жила до сих пор без него, куда спешила, откуда торопилась, как могла предпочитать сны яви, если явь умеет быть такой терпкой, как губы любимого. Очень интересен образ золы в стихотворении о ночи с любимым. Сначала зола возникает в качестве остатка от догоревшего дотла дня, становясь, таким образом, спутницей ночи, а потом героиня задумывается о том, что эта зола в очаге может ей рассказать. Несмотря на подчеркнутую красоту счастливой ночи

зола в сочетании с пронзительным прошедшим временем использованных в стихотворении глаголов, со словом «разлука», делающим время горьким, превращает строчки о счастье в трагическое воспоминание, потому что для читателя очевидно: такая ночь больше не повторится.

Любовь — божественного происхождения, поэтому у Тани Звягинцевой логика такова:

Прости меня, любовь,

И Бог меня простит.

Вымирают не только редкие виды животных, птиц и растений, вымирают и редкие виды чувств. Любовь — одно из них, но есть ли на свете что-либо более достойное стихов, чем любовь? И можно ли исчерпать эту тему до предельного предела и совершенного совершенства? Она может быть такой разной, такой всякой: внятной и таинственной, громогласной и тихой, смиренной и повелевающей... Она может быть насмерть, навзрыд, взхлеб и вдребезги, она может лишь слегка коснуться внутренних тайн, как слабенький сквозняк, оставшийся в памяти невесомым и мимолетным мотивом. Любящие женщины могут бросаться в это чувство очертя голову, могут послушно плыть по течению, могут проходить мимо мужчины по касательной... Да мало ли... О любви можно рассуждать, ее можно типологизировать и классифицировать, а можно писать о ней стихи, как это не может не делать тонко, вкусно и очень просто новый для нас поэт — Таня Звягинцева, пытающаяся превратить сегодняшний день в пригодный для жизни. Своей и окружающих. Просто потому, что все мы понимаем, что приносим в мир меньше добра, чем могли бы...